

М.С. Омирова¹, М.Е. Балгожина^{2*}

¹*Қарағандинская академия Министерства внутренних дел Республики Казахстан имени Б. Бейсенова,
г. Караганда, Республика Казахстан*

²*Академия управления Министерства внутренних дел Республики Казахстан, г. Астана, Республика Казахстан*

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ПРОВОКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: ОБОСНОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗАПРЕТА

Аннотация. В статье рассматривается обоснованность криминализации провокации преступления в Республике Казахстан после введения самостоятельного состава, предусмотренного статьей 412-1 Уголовного кодекса Республики Казахстан. Цель исследования – определить, соответствует ли специальный уголовно-правовой запрет критериям общественной опасности и потребностям правоприменительной практики. Используются формально-юридический, сравнительно-правовой и статистический методы; сопоставлены положения статей 412-1 и 417 Уголовного кодекса Республики Казахстан, зарубежные подходы к правовой оценке провокации преступления и провокационных действий сотрудников правоохранительных органов, а также данные правоприменительной практики за 2020-2025 гг. Установлено, что статистическая малочисленность зарегистрированных фактов не исключает повышенной латентности и общественной опасности провокационных действий. Самостоятельная норма позволяет точнее квалифицировать соответствующие деяния, разграничивать их с иными должностными и процессуальными правонарушениями и укреплять гарантии законности. Сделан вывод об обоснованности сохранения специального уголовно-правового запрета на провокацию преступления.

Ключевые слова: криминализация; уголовный запрет; латентность; законность; специальная норма; оперативная деятельность; искусственное обвинение; правоприменительная практика.

М.С. Омирова¹, М.Е. Балгожина²

¹*Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігінің Б. Бейсенов атындағы Қарағанды академиясы,
Қарағанды қ., Қазақстан Республикасы*

²*Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігінің Басқару академиясы, Астана қ., Қазақстан Республикасы*

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДА ҚЫЛМЫС ЖАСАУҒА АРАНДАТУДЫ КРИМИНАЛИЗАЦИЯЛАУ: ҚЫЛМЫСТЫҚ-ҚҰҚЫҚТЫҚ ТҮЙІМНҮҢ НЕГІЗДІЛІГІ

Аннотация. Мақалада Қазақстан Республикасында Қылмыстық кодекстің 412-1-бабында көзделген дербес құрам енгізілгеннен кейін қылмыс жасауға арандатуды криминализациялаудың негізділігі қарастырылады. Зерттеудің мақсаты – арнайы қылмыстық-құқықтық тыйымның қоғамдық қауіптілік өлшемдеріне және құқық қолдану практикасының қажеттіліктеріне сәйкестігін айқындау. Зерттеуде формальды-зандық, салыстырмалы-құқықтық және статистикалық әдістер қолданылды; Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің 412-1 және 417-баптарының ережелері, қылмысқа арандатуды және құқық қорғау органдары қызметкерлерінің арандатушылық әрекеттерін құқықтық бағалаудың шетелдік тәсілдері, сондай-ақ 2020-2025 жылдардағы құқық қолдану практикасының деректері салыстырылды. Тіркелген фактілер санының аз болуы арандатушылық әрекеттердің жоғары латенттілігі мен қоғамдық қауіптілігін жоққа шығармайтыны анықталды. Дербес норма тиісті әрекеттерді неғұрлым дәл саралауға, оларды өзге лауазымдық және процестік құқық бұзушылықтардан ажыратуға және заңдылық кепілдіктерін күшейтуге мүмкіндік береді. Қылмыс жасауға арандатуға қатысты арнайы қылмыстық-құқықтық тыйымды сақтаудың негізділігі туралы қорытынды жасалды.

Түйінді сөздер: криминализация; қылмыстық тыйым; латенттілік; заңдылық; арнайы норма; жедел қызмет; жасанды айыптау; құқық қолдану практикасы.

M.S. Omirova¹, M.E. Balgozhina²

¹Karaganda Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after B. Beisenov, Karaganda, the Republic of Kazakhstan

²Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Astana, the Republic of Kazakhstan

CRIMINALIZATION OF PROVOCATION OF A CRIME IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: JUSTIFICATION OF THE CRIMINAL LAW PROHIBITION

Abstract. The article examines the justification for criminalizing provocation of a crime in the Republic of Kazakhstan after the introduction of the separate offence under Article 412-1 of the Criminal Code. The study aims to determine whether this special criminal-law prohibition meets the criteria of public danger and the needs of law-enforcement practice. Formal-legal, comparative-legal and statistical methods were used; Articles 412-1 and 417 of the Criminal Code, foreign approaches to entrapment and police provocation, and enforcement data for 2020–2025 were compared. The study shows that the small number of registered cases does not exclude the high latency and public danger of provocative acts. A separate norm enables more precise qualification, distinction from other official and procedural offences, and stronger guarantees of legality. The authors conclude that maintaining a special criminal-law prohibition on provocation of a crime is justified.

Keywords: criminalization; criminal prohibition; latency; legality; special norm; operational activity; fabricated accusation; enforcement practice.

Введение. Появление в уголовном законе Республики Казахстан (далее – РК) самостоятельного состава «Провокация преступления» (ст. 412-1 УК РК) поставило перед теорией и практикой не только вопрос о пределах допустимой оперативной деятельности, но и более общий вопрос – о достаточности оснований самой криминализации такого деяния. Для казахстанской уголовно-правовой доктрины эта проблематика остается сравнительно новой: специальных исследований немного, а правоприменительная практика пока не обладает устойчивостью. Поэтому обсуждение статьи 412-1 Уголовного кодекса РК (далее – УК РК) не сводится к технической квалификации. По существу речь идет о том, насколько самостоятельный запрет соответствует критериям общественной опасности, усиливает определенность уголовно-правовой оценки и служит охране интересов правосудия и укреплению доверия к правоохранительным органам. Цель исследования состоит в оценке обоснованности самостоятельной криминализации провокации преступления и ее значения для правоприменительной практики.

Сложность оценки усугубляется небольшим количеством зарегистрированных фактов. Официальные данные за 2020-2025 гг. показывают, что деяния с признаками составов преступлений, предусмотренных статьями 412-1 и 417 УК РК, выявлялись в единичных случаях. В частности, по статье 417 УК РК в 2020-2025 гг. зарегистрировано соответственно 0, 1, 2, 0, 1 и 0 фактов, а по статье 412-1 УК РК – 0, 0, 7, 2, 4 и 2 факта¹. Однако малочисленность зарегистрированных деяний сама по себе не устраняет ни общественную опасность подобных действий, ни вероятность их высокой латентности. Напротив, в сфере, где речь идет о действиях представителей правоохранительных органов, либо в контексте оперативной деятельности скрытость таких нарушений обычно выше, чем общеуголовных посягательств.

Материалы и методы. Исследование выполнено на основе сочетания диалектического, формально-юридического, сравнительно-правового, системно-структурного и статистического методов. Диалектический подход использовался как общий исследовательский ориентир при оценке взаимосвязи между уголовным запретом провокационной деятельности, ее общественной

¹ Форма отчета № 1-М «О зарегистрированных уголовных правонарушениях» / Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://qamqor.gov.kz/crimestat/files/2025/11/19/202511_1m_00900__ru.xlsx.

опасностью и задачами охраны прав личности в уголовном процессе. Формально-юридический метод применялся при анализе конструкции статей 412-1 и 417 УК РК, их диспозиций, признаков субъекта и объекта, а также при сопоставлении с иными составами должностных и процессуальных преступлений. Сравнительно-правовой метод позволил соотнести казахстанскую модель с зарубежными подходами к entrapment, police provocation и agent provocateur.

Источниковую базу составили национальное уголовное законодательство, официальные статистические данные, международные акты, практика Европейского суда по правам человека по вопросам полицейской провокации, зарубежное законодательство, а также научные труды казахстанских, российских и иностранных авторов. Вопросы критериев криминализации и общей оценки общественной опасности исследуемого деяния анализировались с опорой на работы по проблемам уголовно-правового запрета. Подходы к квалификации специальных норм и пределам их соотношения с общими составами учитывались на основе исследований, посвященных уголовно-правовым гарантиям безопасности процессуальных отношений.

Проблемы латентности, искусственного обвинения и недопустимых форм провокационной деятельности оценивались с учетом работ, раскрывающих злоупотребление государственным ресурсом и профессиональные риски правоохранительной практики. Самостоятельный сравнительный блок составили англоязычные публикации, посвященные границам государственного вмешательства, процессуальным последствиям entrapment и моделям правовой оценки искусственно созданного преступления. Отдельно изучены труды, рассматривающие провокацию в сфере незаконного оборота наркотиков и иных латентных преступлений.

Использование совокупности указанных методов позволило определить, отвечает ли криминализация провокации преступления требованиям общественной опасности и необходимости специальной нормы; сопоставить национальное и зарубежное понимание entrapment; оценить потребность правоприменительной практики в самостоятельном уголовно-правовом обеспечении статьи 412-1 УК РК, а также выявить наиболее типичные категории провоцируемых преступлений. Научная новизна исследования заключается в комплексной оценке оснований криминализации провокации преступления с учетом статистических и сравнительно-правовых данных.

Результаты, обсуждение. Низкие показатели регистрации провокации преступления сами по себе еще не дают оснований для вывода о ненужности самостоятельного уголовного запрета. Как отмечает Л.М. Прокументов, отсутствие выраженной статистической распространенности не может автоматически рассматриваться как довод в пользу декриминализации либо как признак необоснованности криминализации [1; 228]. Поэтому при оценке статьи 412-1 УК РК значение имеет не столько число зарегистрированных эпизодов, сколько характер причиняемого вреда, степень подрыва доверия к правосудию и влияние на законность правоприменительной практики.

Сомнения относительно необходимости специальной нормы обычно основываются на двух основных направлениях. Первое связано с тезисом о том, что провокационные действия могут быть охвачены общими составами должностных преступлений или преступлений против правосудия.

Однако уголовно-правовая теория допускает формулирование специальных норм и при наличии общей нормы, если это позволяет точнее обозначить охраняемое благо, снять квалификационную неопределенность и сделать правоприменительную практику более прозрачной [2; 188].

Проблема усугубляется высоким уровнем латентности. С.А. Воронцова справедливо отмечает, что подобные деяния нередко направлены не только на фиксацию преступления, но и на компрометацию лица [3; 9].

О.В. Губанова приводит данные, свидетельствующие о заметной терпимости части

сотрудников правоохранительных органов к использованию провокационных приемов [4; 3].

Сходные выводы делает и А.А. Мастерков, указывая на сохранение в профессиональной среде установки на допустимость провокационного воздействия [5; 11].

Казахстанские исследователи также обращают внимание на то, что «гонка за показателями» негативно влияет на содержание оперативной деятельности и создает благоприятную почву для искажения ее законных целей [6; 5]. При таком сочетании факторов латентность провокационной деятельности закономерно оказывается высокой, а правоприменительная практика – фрагментарной.

Сравнительно-правовой материал показывает, что проблема provocation и entrapment решается в различных правовых порядках неодинаково, однако в центре дискуссии почти всегда находятся пределы допустимого государственного вмешательства и последствия искусственно созданного преступления.

Несмотря на то, что можно признать обоснованной гипотезу относительно стабилизации аксиологических аспектов правоохранительной деятельности на современном этапе, очевидно, что окончательно преодолеть подобные установки не представляется возможным. И в данном случае будет справедливым отметить, что в ряде случаев полностью исключать некоторые допустимые формы провокации, очевидно, также нельзя, поскольку оперативно-розыскная деятельность нередко связана с такими рисками, в рамках которых провокация преступления может оказаться меньшим ущербом (этот вопрос заслуживает самостоятельного рассмотрения, в связи с чем в рамках данной статьи не будет подвергнут подробному анализу). В данном аспекте вполне уместно замечание Ю.П. Гармаева, согласно которому, «изучение следственной и оперативно-розыскной практики последних лет демонстрирует одну из негативных тенденций, часто проявляющуюся в деятельности правоохранительных органов. Речь идет о пассивности, безынициативности в выявлении, раскрытии и расследовании преступлений, допускаемых не просто «отдельными следователями и оперуполномоченными в ряде случаев». Налицо весьма опасная по своей сущности и масштабам закономерность» [7]. То есть включение нормы о провокации преступления (ст. 412-1 УК РК) ориентировано на адекватную уголовно-правовую реакцию на случаи явного нарушения основ и ценностей профессиональной деятельности в сфере уголовного судопроизводства, но не должно расцениваться как фактор сдерживания активной и наступательной деятельности по выявлению и пресечению преступлений.

Безусловно, криминальный мир подвергается серьезным качественным и количественным трансформациям, вследствие которых нередко встает вопрос относительно необходимости более активного, наступательного вмешательства со стороны правоохранительных органов. Однако, как писал известный юрист Н.С. Таганцев по поводу оценки провокационной деятельности, «ссылка на служебные обязанности сама по себе несостоятельна уже потому, что никакой закон не уполномочивает и не может уполномочить кого-либо на подобную деятельность. Обязанность полиции состоит в раскрытии совершенных преступлений или предупреждении готовящихся; но и в том и другом случае эта деятельность не имеет ничего общего с созданием новых преступлений и преступных попыток» [8; 349]. И данный постулат не меняется с течением времени, хотя, как уже было отмечено ранее, не могут быть полностью исключены частные ситуации, при которых провокация может оказаться «меньшим злом», однако такие ситуации должны быть соответствующим образом и детально оформлены в рамках правового поля, а также реализовываться в форме непротиворечивой и единообразной правоприменительной практики.

Имеются явные дефекты судебно-следственной практики, которые могут быть преодолены посредством формулировки специальной нормы; квалификация по общей норме снижает статистическую информативность относительно случаев совершения тех или иных специфических деяний (в частности, отражение случаев провокации преступления в общей

статистике случаев превышения власти или должностных полномочий) [9; 19].

Х.Л. Хо рассматривает state entrapment через призму границ допустимого вмешательства государства в формирование преступного поведения [10].

Л. Леванон связывает оценку police entrapment с вопросами законности, справедливости процесса и уголовно-политической целесообразности [11].

Д.Дж. Хилл, С.К. Маклеод и А. Таньи акцентируют внимание на концептуальных границах entrapment как самостоятельного правового явления [12].

Немецкий материал, обобщенный Ф. Герлиц и соавторами, показывает, что правовая оценка Tatprovokation тесно связана с судебным контролем за действиями государства [13].

Г. Коффи анализирует, как проактивная intelligence-led policing влияет на границы допустимого провокационного воздействия [14].

Т.Дж. Мичели рассматривает entrapment и criminal solicitation в контексте экономического обоснования уголовно-правового запрета [15].

Показателен и зарубежный законодательный опыт. В ряде юрисдикций провокация рассматривается как основание для освобождения от ответственности или как фактор, существенно влияющий на итоговое решение суда.

Л. Леванон подчеркивает, что подобные модели всегда связаны с поиском баланса между эффективностью пресечения преступлений и запретом на искусственное создание преступной ситуации [11].

Г. Коффи показывает, что наибольшие трудности возникают там, где провокационные приемы включаются в повседневную оперативную практику без достаточного внешнего контроля [14].

Экономико-правовой ракурс проблемы отражен и в работе Т. Дж. Мичели, который связывает допустимость entrapment с пределами легитимного государственного принуждения [15].

Отсюда вытекает и вопрос о круге провоцируемых преступлений. В учебной литературе по уголовному праву обычно подчеркивается, что наиболее типичны случаи провокации в сферах коррупции, незаконного оборота наркотиков и иных латентных деяний, выявление которых тесно связано с оперативной деятельностью [16; 4].

В.Е. Тонков, анализируя дела о незаконном обороте наркотиков, указывает на высокую вероятность подмены документирования преступления искусственным созданием его внешних признаков [17; 155].

И.А. Жарких также отмечает, что именно в делах о наркотических средствах вопросы разграничения законной оперативной деятельности и провокации возникают особенно часто [18; 78].

Напротив, провокация убийства, причинения тяжкого вреда здоровью и иных насильственных преступлений представляется нетипичной и в большинстве случаев несовместимой с задачами законной правоохранительной деятельности. Следовательно, самостоятельный уголовный запрет провокационной деятельности имеет собственное содержание и не сводится к дублированию уже известных составов. Его назначение состоит в пресечении злоупотребления государственным ресурсом, исключении искусственного обвинения и формировании такой правоприменительной практики, при которой оперативная деятельность соотносится с требованиями законности, а не с результативностью любой ценой.

Для казахстанской дискуссии важны и публикации, посвященные скрытым проверкам на добропорядочность как антикоррупционному инструменту. Они показывают, что граница между допустимой профилактической проверкой и провокационным воздействием требует особенно осторожной правовой настройки [19; 36].

Современные зарубежные исследования также подтверждают сохраняющуюся актуальность проблемы: Д. Дж. Хилл, С.К. Маклеод и А. Таньи рассматривают государственное entrapment в контексте этических границ скрытой полицейской деятельности [20], а А. Хаджийска систематизирует критерии полицейской провокации в практике национальных судов и Европейского суда по правам человека [21].

Закключение. Исходя из представленных статистических данных можно сделать вывод о том, что, во-первых, деяния, предусмотренные статьями 412-1 и 417 УК РК, представлены единичными случаями.

Во-вторых, по статье 412-1 УК РК регистрируется сравнительно больше случаев, чем по статье 417 УК РК. В данном случае важно отметить одно весьма значимое обстоятельство, которое существенным образом отличает состав статьи 412-1 от состава статьи 417 УК РК и по причине которого последняя в действующей редакции не может быть признана специальной нормой по отношению к статье 412-1 УК РК. Изначально использование законодателем термина «провокация» применительно к обоим составам может привести к мнению, что статья 417 УК РК после включения статьи 412-1 УК РК выполняет именно функцию специальной нормы. Более того, в таком случае сам факт обособленного существования статьи 417 УК РК становился бы сомнительным, коль скоро законодатель посчитал необходимым установить общий уголовно-правовой запрет, не конкретизируя характер преступлений, которые могут быть совершены по причине провокационного воздействия.

В-третьих, криминализация провокации преступления оправдана не только потребностями квалификации, но и задачей укрепления аксиологических основ правоприменительной практики. Специальная норма позволяет точнее фиксировать случаи искусственного обвинения, повышает качество уголовно-правовой оценки и демонстрирует недопустимость достижения процессуального результата посредством провокационного воздействия.

В-четвертых, наиболее вероятной сферой проявления provocation и entrapment остаются коррупционные, наркотические и иные латентные преступления, выявление которых традиционно сопряжено с активной оперативной деятельностью. Это требует дальнейшей теоретической разработки критериев разграничения допустимых оперативных мероприятий и запрещенной провокационной деятельности.

Следовательно, решение казахстанского законодателя о включении статьи 412-1 УК РК в текст уголовного закона следует признать обоснованным. Его значение состоит в укреплении законности, защите прав личности от искусственного обвинения и формировании более предсказуемой правоприменительной практики в сфере противодействия преступности. В практическом плане целесообразно обеспечить единообразное применение статьи 412-1 УК РК и систематическое обобщение соответствующей правоприменительной практики.

Список использованной литературы:

1. Прокументов, Л.М. Распространенность деяний как факультативный признак их общественной опасности / Л.М. Прокументов // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 429. – С. 227-230.
2. Лобанова, Л.В. Уголовно-правовые гарантии безопасности участников процессуальных отношений нуждаются в совершенствовании / Л.В. Лобанова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – 2012. – № 2 (17). – С. 182-190.
3. Воронцова, С.А. О недопустимости использования правоохранительными органами метода провокации в борьбе с преступностью / С.А. Воронцова // Юристы-Правовед. – 2011. – № 3 (46). – С. 5-14.
4. Губанова, О.В. Особенности расследования провокации взятки либо коммерческого подкупа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О.В. Губанова. – Воронеж, 2006. – 28 с.
5. Мастерков, А.А. Уголовно-правовые и криминологические аспекты провокационной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Мастерков. – Владивосток, 2000. – 18 с.
6. Абдирова, Г.А. Организационные основы оперативно-аналитической работы органов внутренних дел Республики Казахстан / Г.А. Абдирова, А.Д. Дарменов // Хабаршы-Вестник. – 2025. – № 1 (87). – С. 4-9.

7. Гармаев, Ю.П. Принцип наступательности в выявлении и расследовании преступлений / Ю.П. Гармаев // Российский следователь. – 2016. – № 2. – С. 6-12.
8. Таганцев, Н.С. Русское уголовное право / Н.С. Таганцев. – Санкт-Петербург, 1902. – 815 с.
9. Дизер, О.А. Провокация преступления: уголовно-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О.А. Дизер. – Омск, 2022. – 23 с.
10. Ho, H.L. State entrapment / H.L. Ho // Legal Studies. – 2011. – Vol. 31. Issue 1. – Pp. 71-95.
11. Levanon, L. The law of police entrapment: critical evaluation and policy analysis / L. Levanon // Criminal Law Forum. – 2016. – Vol. 27. Issue 1. – Pp. 35-73.
12. Hill, D.J. The concept of entrapment / D.J. Hill, S.K. McLeod, A. Tanyi // Criminal Law and Philosophy. – 2018. – Vol. 12. Issue 4. – Pp. 539-554.
13. Görlitz, F. “Tatprovokation” – The legal issue of entrapment in Germany and possible solutions / F. Görlitz, et al. // German Law Journal. – 2019. – Vol. 20. Issue 4. – Pp. 496-509.
14. Coffey, G. Proactive intelligence-led policing shading the boundaries of entrapment: an assessment of how common law jurisdictions have responded / G. Coffey // Athens Journal of Law. – 2023. – Vol. 9. Issue 1. – Pp. 59-88.
15. Miceli, T.J. Criminal solicitation, entrapment, and the enforcement of law / T.J. Miceli // International Review of Law and Economics. – 2007. – Vol. 27. Issue 2. – Pp. 258-268.
16. Провокация преступлений в теории и практике уголовного права: учеб. пособие; под ред. А.А. Чистякова, Г.С. Шкабина. – Рязань: Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, 2016. – 62 с.
17. Тонков, В.Е. Квалификация преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков на стадии судебного разбирательства: монография / В.Е. Тонков. – Белгород: БелГУ, 2008. – 214 с.
18. Жарких, И.А. Провокация преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств / И.А. Жарких // Вестник Восточно-Сибирского университета МВД России. – 2021. – № 1 (96). – С. 78-91.
19. Жолдасбаев, Д.Н. Тайная проверка на добропорядочность (Integrity Check) как антикоррупционный инструмент: международный опыт и перспективы внедрения / Д.Н. Жолдасбаев, А.Б. Казбекова // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2024. – № 4 (34). – С. 36-45.
20. Hill, D.J. Policing, undercover policing and “dirty hands”: the case of state entrapment / D.J. Hill, S.K. McLeod, A. Tanyi // Philosophical Studies. – 2024. – Vol. 181. Issue 4. – Pp. 689-714.
21. Hadzhiyska, A. Police Provocation in the Practice of the Bulgarian Courts and the European Court of Human Rights / A. Hadzhiyska // Law Journal of New Bulgarian University. – 2024. – Vol. 20. Issue 2. – Pp. 34-41.

References:

1. Prozumentov, L.M. Rasprostranennost' dejanij kak fakul'tativnyj priznak ih obshhestvennoj opasnosti / L.M. Prozumentov // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2018. – № 429. – S. 227-230.
2. Lobanova, L.V. Uголовно-правовые гарантии безопасности участников процессуальных отношений в совершенствовании / L.V. Lobanova // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Jurisprudenciya. – 2012. – № 2 (17). – S. 182-190.
3. Voroncova, S.A. O nedopustimosti ispol'zovaniya pravoohranitel'nymi organami metoda provokacii v bor'be s prestupnost'ju / S.A. Voroncova // Jurist#-Pravoved#. – 2011. – № 3 (46). – S. 5-14.
4. Gubanova, O.V. Osobennosti rassledovaniya provokacii vzjatki libo kommercheskogo podkupa: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / O.V. Gubanova. – Voronezh, 2006. – 28 s.
5. Masterkov, A.A. Uголовно-правовые и криминологические аспекты провокационной деятельности: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / A.A. Masterkov. – Vladivostok, 2000. – 18 s.
6. Abdirova, G.A. Organizacionnye osnovy operativno-analiticheskoy raboty organov vnutrennih del Respubliki Kazakhstan / G.A. Abdirova, A.D. Darmanov // Habarshy-Vestnik. – 2025. – № 1 (87). – S. 4-9.
7. Garmaev, Ju.P. Princip nastupatel'nosti v vyjavlenii i rassledovanii prestuplenij / Ju.P. Garmaev // Rossijskij sledovatel'. – 2016. – № 2. – S. 6-12.
8. Tagancev, N.S. Russkoe uголовное право / N.S. Tagancev. – Sankt-Peterburg, 1902. – 815 s.
9. Dizier, O.A. Provokacija prestuplenija: uголовно-правовой аспект: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / O.A. Dizier. – Омск, 2022. – 23 с.
10. Ho, H.L. State entrapment / H.L. Ho // Legal Studies. – 2011. – Vol. 31. Issue 1. – Pp. 71-95.
11. Levanon, L. The law of police entrapment: critical evaluation and policy analysis / L. Levanon // Criminal Law Forum. – 2016. – Vol. 27. Issue 1. – Pp. 35-73.
12. Hill, D.J. The concept of entrapment / D.J. Hill, S.K. McLeod, A. Tanyi // Criminal Law and Philosophy. – 2018. – Vol. 12. Issue 4. – Pp. 539-554.
13. Görlitz, F. “Tatprovokation” – The legal issue of entrapment in Germany and possible solutions / F. Görlitz, et al. // German Law Journal. – 2019. – Vol. 20. Issue 4. – Pp. 496-509.

14. Coffey, G. Proactive intelligence-led policing shading the boundaries of entrapment: an assessment of how common law jurisdictions have responded / G. Coffey // Athens Journal of Law. – 2023. – Vol. 9. Issue 1. – Pp. 59-88.
15. Miceli, T.J. Criminal solicitation, entrapment, and the enforcement of law / T.J. Miceli // International Review of Law and Economics. – 2007. – Vol. 27. Issue 2. – Pp. 258-268.
16. Provokacija prestuplenij v teorii i praktike ugovornogo prava: ucheb. posobie; pod red. A.A. Chistjakova, G.S. Shkabina. – Rjazan': Rjazanskij filial Moskovskogo universiteta MVD Rossii imeni V.Ja. Kikotja, 2016. – 62 s.
17. Tonkov, V.E. Kvalifikacija prestuplenij v sfere nezakonного oborota narkotikov na stadii sudebnogo razbiratel'stva: monografija / V.E. Tonkov. – Belgorod: BelGU, 2008. – 214 s.
18. Zharkih, I.A. Provokacija prestuplenij v sfere nezakonного oborota narkoticheskikh sredstv / I.A. Zharkih // Vestnik Vostochno-Sibirskogo universiteta MVD Rossii. – 2021. – № 1 (96). – S. 78-91.
19. Zholdasbaev, D.N. Tajnaja proverka na dobroporjadocnost' (Integrity Check) kak antikorrupcionnyj instrument: mezhdunarodnyj opyt i perspektivy vnedrenija / D.N. Zholdasbaev, A.B. Kazbekova // Құқық қорғау органдары академиясының Zharshysy. – 2024. – № 4 (34). – S. 36-45.
20. Hill, D.J. Policing, undercover policing and “dirty hands”: the case of state entrapment / D.J. Hill, S.K. McLeod, A. Tanyi // Philosophical Studies. – 2024. – Vol. 181. Issue 4. – Pp. 689-714.
21. Hadzhiyska, A. Police Provocation in the Practice of the Bulgarian Courts and the European Court of Human Rights / A. Hadzhiyska // Law Journal of New Bulgarian University. – 2024. – Vol. 20. Issue 2. – Pp. 34-41.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Мансура Сагидуллаевна Омирова – Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігінің Б. Бейсенов атындағы Қарағанды академиясының докторанты, ұлттық қауіпсіздік және әскери іс магистрі, e-mail: omirova7m7s7@mail.ru, orcid.org/0009-0002-6709-8359.

Омирова Мансура Сагидуллаевна – докторант Карагандинской академии Министерства внутренних дел Республики Казахстан имени Б. Бейсенова, магистр национальной безопасности и военного дела, e-mail: omirova7m7s7@mail.ru, orcid.org/0009-0002-6709-8359.

Omirova Mansura Sagidullaevna – Doctoral Student at the Karaganda Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after B. Beisenov, Master of National Security and Military Affairs, e-mail: omirova7m7s7@mail.ru, orcid.org/0009-0002-6709-8359.

Майгуль Егеубаевна Балгожина – Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігі Басқару академиясының арнайы пәндер кафедрасының профессоры, философия докторы (PhD), e-mail: maigul.balgozhina@mail.ru, orcid.org/0009-0002-9269-2966.

Балгожина Майгуль Егеубаевна – профессор кафедры специальных дисциплин Академии управления Министерства внутренних дел Республики Казахстан, доктор философии (PhD), e-mail: maigul.balgozhina@mail.ru, orcid.org/0009-0002-9269-2966.

Balgozhina Maigul Egeubaevna – Professor of the Department of Special Disciplines of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, PhD, e-mail: maigul.balgozhina@mail.ru, orcid.org/0009-0002-9269-2966.